

Владимир ЮДИН

«СИБИРЬ — МОЯ ВТОРАЯ РОДИНА»*К 150-летию со дня рождения В. Я. Шишкова*

*И долго, долго не посмеет
Коснуться время мудрых слов,
«Урюм-река» не обмелеет,
И не померкнет «Пугачев».*

И. Малютин

Третьего октября 1873 года в маленьком старинном городке Бежецке Тверской губернии в небогатой купеческой семье Якова Дмитриевича и Екатерины Ивановны Шишковых родился сын Вячеслав. Здесь и в соседнем селе Шишково-Дуброво проходили детские и юношеские годы будущего выдающегося писателя.

В возрасте девяти лет мальчика определили в Бежецкое городское училище, которое он закончил на отлично. «И вдруг, — признавался в автобиографии Вячеслав Яковлевич, — каким-то необъяснимым чудом меня потянуло писать. Первая работа — “Волчье логово” — повесть о разбойничьей жизни, вторая — описание крестьянских “посиделок” (бесед) с плясками и песнями. С тех пор вплоть до самого зрелого возраста я литературой не занимался, и мне не приходило в голову, что я буду писателем».

Окончив Вышневолоцкое училище кондукторов путей сообщения и получив редкую по тем временам специальность техника по водным и шоссейным путям, В. Я. Шишков в 1894 году уезжает в Томск.

Два десятка лет своей жизни посвятил Вячеслав Яковлевич подвижническому труду по исследованию сибирских рек и сухопутных дорог, совершая ежегодные экспедиции по Иртышу, Оби, Бии, Катуню, Енисею, Чулыму, Лене, Ангаре и Нижней Тунгуске, где едва не погиб. Прошел тысячи верст по суровой сибирской тайге. Более двадцати лет жизни связывают будущего писателя с Томском, куда он прибыл еще молодым человеком, полным сил, надежд и романтических мечтаний. Уже расставшись с Томском, Вячеслав Яковлевич признавался: «В Сибири я прожил двадцать лет — это вторая моя родина, пожалуй, не менее близкая и понятная сердцу, чем Россия. Я переполнен впечатлениями, которых мне на всю жизнь хватит...»

Поистине неистребима тяга русского человека к путешествиям и приключениям. Шишков специально не искал острых впечатлений — они сами находили его, послужив материалом для глубокого художественного осмысления российской жизни.

Началом своей профессиональной литературной деятельности В. Я. Шишков считал публикацию в 1912 году в журнале «Заветы» рассказа «Помолились»

из тунгусской жизни автора. С этого времени рассказы, повести, а затем и романы начинающего писателя стали появляться в периодических изданиях и выходить отдельными книгами.

Публикация в 1916 году в издаваемом Максимом Горьким в Санкт-Петербурге журнале «Летопись» повести «Тайга» определила дальнейшую судьбу В. Я. Шишкова. Под благотворным влиянием Горького он полностью посвятил себя литературному творчеству и сформировался как художник-реалист, народный писатель.

В 1926—1929 годах в издательстве «Земля и фабрика» вышло в свет первое собрание сочинений В. Я. Шишкова в 12 томах, в 1931 году — повесть «Странники» о жизни беспризорных ребят. В 1933 году писатель закончил многолетнюю работу над романом «Угрюм-река», в котором нарисовал глубокую живописную картину жизни дореволюционной Сибири.

С 1930 года и до конца своей жизни В. Я. Шишков работал над историческим романом «Емельян Пугачев». Первые два тома книги вышли в 1944 году, а весь роман был опубликован только после смерти писателя. Жизнь выдающегося художника слова, патриота и певца России В. Я. Шишкова оборвалась в марте 1945 года.

Писатель был награжден орденами Ленина и «Знак Почета», медалью «За оборону Ленинграда». За роман «Емельян Пугачев» ему в 1946 году посмертно присудили Государственную премию первой степени.

Биография В. Я. Шишкова, казалось бы, внешне ровна и благополучна. Однако в его судьбе были радость побед, горечь поражений и напряженные отношения с чиновниками от литературы. Выражение Федора Достоевского «кто не страдает, тот не пишет» относится и к Шишкову.

Хотя Вячеслав Яковлевич слыл человеком добрым и мягким, он не принадлежал к числу льстивых партийных угодников, держался независимо, не любил засиживаться в почетных президиумах и быть «на виду». Страстно отстаивая русские национальные приоритеты в литературе, он подвергался атакам русофобов, хулителей отечественной истории и культуры. Многие из них занимали ключевые посты и стремились подчинить искусство слова в СССР политическому доктринерству.

В чем феномен В. Я. Шишкова и в контексте каких духовно-эстетических критериев его надлежит рассматривать? На фоне реставрации «дикого» капитализма в современной России, коммерциализации литературы и искусства молодому неискушенному современнику было бы интересно по рассказам и повестям Шишкова узнать, как выглядел развивающийся капитализм в России на переломе XIX—XX веков («Тайга», «Пейпус-озеро», «Угрюм-река» и др.).

Шишков, по собственному признанию, вознамерился идти «вглубь, ввысь, во все стороны», поставив перед собой цель показать неизбежность крушения Человека в человеке, обуреваемом жадной неумного накопительства в мире, где правит бал золотой телец. В письме пролетарскому писателю Максиму Горькому он признал, что рисовал «жизнь в широком понимании этого слова», дабы не столько высветить, словами Маяковского, «капитализма портрет родовой», сколько предостеречь будущие поколения от нравственной катастрофы. Писатель предвосхитил грядущие потрясения России, вновь брошенной в бездну диких собственнических инстинктов и теряющей свой неповторимый национальный лик.

Вместе с тем творчество Шишкова не замыкалось на проблематике общественных конфликтов и антагонизме противоборствующих социальных групп.

Оно много шире, глубже и пророчески устремлено в будущее. Нашего писателя влекли к себе не пресловутые «общечеловеческие» ценности, а извечные духовные ориентиры, определяющие характерные особенности этносов, населяющих великую Россию. Шишков — художник истинно русский, питающий уважительные чувства ко всем народам.

В этой связи хотелось бы напомнить созвучные нашему времени идеи философа Н. А. Бердяева. Он отмечал, что выявление национальной самобытности художника — одна из важнейших задач эстетики. «За национальностью стоит вечная онтологическая основа и вечная ценная цель. <...> Космополитизм и философски и жизненно несостоятелен, он есть лишь абстракция или утопия, применение отвлеченных категорий к области, где все конкретно. Космополитизм не оправдывает своего наименования, в нем нет ничего космического, ибо и космос, мир есть конкретная индивидуальность, одна из иерархических ступеней. <...> Чувствовать себя гражданином Вселенной совсем не означает потери национального чувства и национального гражданства. <...> Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин. <...> Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т. е. национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности...»

Ныне в общественное сознание, как и на заре XX века, активно внедряется идеология космополитического нигилизма, выдаваемая за «новое слово» в науке, искусстве и духовной жизни. Нередко за точку отсчета берется «методология» ниспровержения национальных святынь, выступающая под флагом «обновленного сознания», «новаторского прочтения» и «переосмысления замшелых консервативных традиций».

При этом «обновлением» тут и не пахнет. Еще в 1920-х годах горячие невежественные головы, взбудораженные ажиотажем революционной «перестройки», сознательно дискредитировали духовное наследие прошлого. Они низвергали гениальные имена и творения, предавали анафеме тысячелетние общинные и христианские устои, отказывались от наследия «классово чуждой» дореволюционной культуры, оголтело ратуя за «пролеткульт». «Неистовые ревнители» (определение выдающегося русского литературоведа С. И. Шешукова) ничтоже сумняшеся «сбросили с парохода современности» всемирно признанных классиков, а Льва Толстого и Федора Достоевского обвинили в «антиреволюционности», религиозном мракобесии и мистике... Пора бы извлечь уроки из истории и поставить заслон разрушительному нигилизму и антинациональным русофобским выпадам.

Что изменилось сегодня в сравнении с теми роковыми годами? Увы, немного и не в лучшую сторону. Ура-революционность «неистовых ревнителей» 1920-х годов, главным симптомом которой была оголтелая русофобия, сменилась не менее воинственной антиреволюционностью приверженцев неолиберальной «демократии». Захваченные патологическим русофобским синдромом, они навязывают нам «общечеловеческие ценности» в ущерб осознанию собственной этнической, исторической и культурной идентичности.

«XX век по праву можно назвать веком наступления космополитизма, — писал известный политолог А. Т. Уваров. — В качестве орудия разрушения избран либерализм, который понятийно можно определить как идеологию индивидуализма, проповедующего свободу человеческих инстинктов, открывающего

простор для наступления агрессивного меньшинства на консервативное большинство. Реализация такой идеологии привела, особенно в конце века, к грубому наступлению на моральные ценности человеческой цивилизации, накопленные ею в ходе своего развития. Какие же мишени выбрал либерализм? Прежде всего исторически сложившиеся общности, национальные культуры и сферу знаний и сознания человека».

Какое место в идеологическом расколе русского общества век назад занимал писатель Шишков? Ориентиром в творчестве он избрал не конъюнктурный нигилизм революционных радикалов 1920-х годов. Писатель выбрал объектом своего пера народную судьбу, так пронзительно звучавшую в произведениях многих отечественных классиков. Свою задачу он видел не в борьбе против эксплуататоров, а в приобщении к культурным богатствам предков, стремлении достичь уровня великих русских писателей XIX века.

В отличие от своих литературных оппонентов В. Шишков не занимался дешёвым политиканством. Главным делом его жизни было художественное творчество. Произведения писателя ориентированы на осмысление коренных проблем русского народа, его духовности и культуры. Тогда как пресловутые «интернационалисты» видели в литературе не тончайший инструмент познания человеческой души, а идеологическую дубину для «воспитания» масс в нужном политическом русле. Неудивительно, что идеологические надсмотрщики приклеили Шишкову и многим представителям русской творческой интеллигенции ярлык «попутчиков», чуждых революционным преобразованиям в искусстве. Возможно, потому и сегодня творчество В. Я. Шишкова и ряда других русских писателей игнорируется либо подвергается сомнению со стороны так называемой демократической элиты...

Один из проверенных способов «духовной казни» неугодных творцов — это не ругать и не хвалить, а всемерно замалчивать. Так, в учебнике по истории русской литературы XX века под редакцией Ф. Кузнецова и А. Агеносова Шишкову уделено всего несколько строк, да и то в связи с упоминанием так называемых «попутчиков». Попутчик — он и есть попутчик, что с него взять?

Как отмечал исследователь творчества В. Я. Шишкова Николай Еселев, «в ряде своих рассказов и повестей — “Таежный волк”, “Алые сугробы”, “Колдовской цветок”, “Страшный кам”, “Пурга” — Шишков талантливо воссоздал характеры сильных, волевых, самобытных людей, в которых видится не вымышленный, не идеализированный, а подлинный сибиряк, наделенный лучшими своими качествами: умом, смелостью, твердой волей, любовью к природе, к своей родине».

В повествованиях о Нижней Тунгуске, Чуйском тракте, Катуня, Иртыше, Енисее, Бии и Лене Вячеслав Шишков выступает как писатель, которого привлекает не только волшебная экзотика заповедных уголков Сибири. Его в первую очередь интересует мятежная, тянущаяся к добру и свету, непостижимая для инородцев таинственная русская душа...

А какой великий поучительный смысл, актуальный для нашего смутного времени, заложен в романе «Емельян Пугачев»? Не доводите терпеливый русский народ до горячего возмущения, не испытывайте его могучего, но не беспредельного терпения. Русские долго запрягают, да быстро ездят. «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» — говорил А. С. Пушкин.

В традициях гуманизма и великого русского литературного наследия Шишков актуализирует прошлое, закладывая в концепцию исторического

повествования глубокий пророческий смысл. Вячеслав Яковлевич считал «Капитанскую дочку» своим исходным «документом» для анализа потаенных причин пугачевского бунта. Наверное, поэтому проза В. Шишкова, предостерегая потомков от грозящих им бед и социальных потрясений, остается злободневной и сегодня.

...В годы господства в СССР вульгарно-социологических подходов к искусству трактовка творческого наследия Шишкова и прочих русских литераторов сводилась к примитивно-упрощенной схеме классового антагонизма. По бескомпромиссному идеологическому признаку «наши — не наши» делились все направления искусства. Отринув «замшелые стереотипы прошлого», нынешняя методологическая наука часто бросается в другую крайность — в сторону «плюрализма без берегов» и абстрактных «общечеловеческих ценностей» в ущерб национальной самобытности и эстетической значимости того или иного художника.

Но как быть с такими яркими самобытными талантами XIX—XX веков, как В. Я. Шишков? Писатели не повинны в том, что якобы «устаревают». Зачастую виновата конъюнктурно интерпретирующая их догматическая наука. Вспомним ставших жертвой политиканства и русофобии Блока, Есенина, Бунина, Платонова, Булгакова и Замятина...

Нынче назревает потребность в действительно новом, более глубоком, свободном от формально-эстетических концепций прочтении русских художников слова. Не претендуя на безапелляционность суждений, постараюсь дать свои небесспорные рекомендации коллегам критикам и литературоведам, побудив их к более вдумчивому анализу отечественной литературы.

Не хотелось бы стать объектом упреков в искусственной модернизации мировоззрения и творчества В. Я. Шишкова. Писатель в этом не нуждается, его произведения говорят сами за себя. Необходимо их истолковать вдумчиво и беспристрастно как с поправкой на наше время, так и с учетом особенностей духовно-эстетической мысли его эпохи, с точки зрения исторических традиций, преемственности и эволюционного развития.

В соответствии с этой методологией, какое бы произведение Шишкова мы ни взяли, оно не укладывается в прокрустово ложе шаблонов соцреализма. На первый план неизменно выдвигаются живые люди, самобытные характеры и морально-нравственные конфликты. Это позволяет нам видеть подлинную жизнь во всем ее многообразии, а не тенденциозные социальные схемы, акцентированные на «классовой борьбе» либо «общечеловеческих ценностях». В подлинной литературе всегда первичен человек. Все остальное на втором и третьем планах. Литература на то и литература (по выражению М. Горького, «человековедение»), чтобы раскрывать тончайшие извивы души, драматизм нравственных потерь и обретений, приближать человека к осознанию окружающего мира и своего предназначения.

Писатель не избегает затрагивать общественные конфликты, но и не абсолютизирует их. Уже самые первые его рассказы и повести («На севере», «Помолились», «Тайга») живописуют социальные контрасты российской глубинки во взаимосвязи с нравственными, моральными и этическими исканиями героев. Само название повести «Тайга» подчеркивало глухое, таежное, почти звериное в старом деревенском укладе. Однако светлого, чистого, воодушевляющего в произведениях Шишкова куда больше.

В. Я. Шишков с юности не испытывал влечения к марксизму. Его душа была свободна от идеологических оков. Тем не менее творчество писателя отличалось гуманизмом и равнодушием к социальному неравенству. Отвергая темноту, бескультурие и невежество людей, ставших жертвами капитализма в дореволюционной России, Шишков отрицал классовую борьбу как «единственно верное» средство решения социальных проблем. Не потому ли, остро высмеивая пережитки прошлого, в произведениях 1920-х годов он прибегает к «шутейности» и анекдотичности сюжетных поворотов? Писатель не подводит читателя к мысли о неотвратимости социального взрыва и «справедливого мщения» эксплуататорам, что неизбежно ставилось ему в вину.

В. Я. Шишков мыслил глубже многих современных ему «коллег по цеху». В повести «Пейпус-озеро», посвященной гражданской войне, верный своей сатирической манере, писатель заклеил бывших «хозяев жизни», но не «окарикурировал» их, а раскрыл характеры предельно тактично и правдиво, с глубоким внутренним драматизмом. Столь же ошибочно сводить эпический роман «Угрюм-река» к непримиримому классовому противоборству буржуазии и пролетариата, как повелось в советском литературоведении.

Особенно отчетливо нравственные гуманистические мотивы зазвучали в историческом романе «Емельян Пугачев», сюжет которого соответствует трагическим событиям прошлого, зафиксированным в труде дореволюционного историка Николая Дубровина.

Основной вывод Дубровина следующий: дело, замешанное на крови и насилии, ждет печальный итог. Крестьянское восстание под предводительством грозного Пугачева было обречено уже потому, что не содержало в себе созидательного начала. Когда восстание Емельяна Пугачева еще было в разгаре, его руководители уже потеряли идеологическую инициативу и единство относительно цели борьбы. А внутри ближайшего окружения Пугачева появились сомнения и тайные помыслы убраться или сдать самозваного «царя» властям...

При чтении романа бросается в глаза скрупулезное отношение к историческим фактам, архивным источникам и мемуарам. «Как-то странно складывается “Пугачев”: ни повесть, ни роман, впрямь становлюсь историком, — признается автор в разгар работы над романом. — Бывают страницы, когда не выхожу из фактов, а за ними как-то сами собой следуют и воображаемые люди, и воображаемые события. Так я еще не писал, да и другие тоже, кажется, не писали. Я, по крайней мере, таких случаев не знаю».

«Емельян Пугачев» — органический синтез документальной основы и творческого воображения писателя. Детали, поначалу кажущиеся незначительными, раскрывают характеры героев, особенности того времени. Вспомним эпизод Кунерсдорфского сражения, где прусский король Фридрих в панике теряет свою шляпу с султаном. Тут же автор информирует читателя, что эта шляпа хранится в петербургском Эрмитаже. Как только на крыльце герцогского замка в Кенигсберге появляется «молодой офицер Болотов», следует авторское разъяснение: тот самый А. Т. Болотов, который впоследствии написал «свои замечательные мемуары».

Шишков неуклонно следовал принципам лучших русских писателей. В качестве исторической основы он взял труды Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского, Н. Ф. Дубровина и других выдающихся ученых. Для него был неприемлем исторический монизм, сводящий многообразные человеческие отношения к экономике. Роман «Емельян Пугачев» свидетельствует, что Шишков считал движущей

силой истории совокупность факторов социально-экономического и духовно-нравственного плана. Как писал русский дореволюционный историк Василий Ключевский, «человеческая личность, людское общество и природа страны — вот те три основные исторические силы, которые строят людское общежитие».

Определяющей особенностью художественного исторического повествования должен быть не вымышленный сюжет, а реальная история и конфликты. Не зря художественно-исторические произведения называют «невыдуманной» литературой.

Сюжетом «Емельяна Пугачева» являются события, потрясшие российскую империю в годы правления императрицы Екатерины II. Писатель сумел выделить отличительные характеристики каждого персонажа романа. Особенно ярко и колоритно выведен психологический облик главного героя. Пугачев уверенно играет роль «справедливого батюшки царя», защитника народа Петра Федоровича. Необыкновенный артистизм главного мятежника не заменят никакие детальные описания.

По художественному исполнению, выразительности и изумительной лепке персонажей «Емельян Пугачев» находится в ряду книг, составляющих гордость отечественной литературы. Как писатель-исследователь Шишков опередил своих собратьев по перу. Многим из них, чтобы втиснуть события прошлого в прокрустово ложе «партийности в искусстве», приходилось отодвигать на задний план человеческую личность, создавать «белые пятна» и «фигуры умолчания» в освещении исторических реалий. «Сейчас, когда подлинная история перестает быть достоянием лишь избранного круга лиц, вряд ли кто-либо усомнится во множественности “исторических сил”, воздействующих на ход развития общества», — пишет современный историк-краевед Валерий Артемов. Антагонистом данного подхода в современной художественной литературе становится безбрежная формализация и ложная эстетизация.

Творческий метод В. Шишкова-романиста соединяет в себе два эстетических начала: собственно художественное и научно-исследовательское. «Мне как историку было ясно, что Шишков не только прекрасно изучил всю литературу, посвященную Пугачеву и его времени, он знает все воспоминания, документальные данные и следственное дело о Пугачеве. Словом, он владеет тем материалом, которым владеет ученый-историк», — писал русский историк Константин Базилевич.

Вопрос о влиянии Шишкова на современную историческую романистику пока мало изучен. Однако наступила пора ее осмысления. Например, традиции В. Шишкова использовал Василий Шукшин в романе о Степане Разине «Я пришел дать вам волю». Однако при описании разинского восстания Шукшин не ставил перед собой цели достичь эпической масштабности. Ему были интересны характер и судьба Степана Разина в зеркале истории царской России.

На строго документальной основе строят сюжеты своих повествований Дмитрий Балашов, Эдуард Зорин, Эдуард Скобелев, Валерий Ганичев, Валентин Пикуль и др. К сожалению, далеко не все эпохальные события прошлого возможно подкрепить документально и изобразить с исчерпывающей полнотой. Многие из них выпали из общественной памяти. Однако писатель на то и писатель, чтобы восполнить «выпадающие» реалии художественным вымыслом, придать им максимально достоверный характер и оживить словесной вязью. «Что касается исторической романистики, — отмечал Валентин Пикуль, — то здесь мне ближе всего Вяч. Шишков, всегда неукоснительно следовавший

исторической правде. “Емельяна Пугачева” я считаю шедевром советской прозы, думаю, что именно так надо писать исторические романы».

Шишков и Пикуль исповедуют единую концепцию исторических реалий, связанных с жизнью России XVIII столетия, трактовкой лиц и событий. Выпукло, ярко у этих писателей высвечена фигура многоопытного хитроумного царедворца князя Григория Потемкина. Распутник, пьяница, любитель запустить руку в государственный карман и дебошир — такой его образ закрепили в исторических источниках. Однако под пером В. Шишкова и В. Пикуля эта колоритная фигура предстает не только в черном свете, но и как пламенный патриот Отчизны, одаренный стратег, зоркий дипломат. Он не подсиживал Суворова и не жаждал присвоить его лавры, как принято изображать в западных историографических источниках.

В частности, в романе Пикуля «Фаворит» убедительно опровергнут досужий миф о так называемых потемкинских деревнях. Это злая выдумка западных историков-русофобов. Одна читательница справедливо возмутилась: «Всю жизнь меня мучил вопрос, как ухитрился Потемкин “нарисовать” деревни по пути следования Екатерины, и какой надо быть душой, чтобы этого не заметить. Сейчас меня мучает другое: кто и зачем так беспардонно “кормил” нас такой “липой”, распространив злонамеренную фальсификацию...»

Психологизм героев Шишкова проявляется посредством внутренних движений души. У Пикуля, напротив, психология героев и обстоятельств постигается через их внешнее проявление, поступки и действия. Однако это не отменяет концептуальной близости «Емельяна Пугачева» Шишкова и «Фаворита» Пикуля, основанной на общей мировоззренческой позиции.

...Вечно живое народное творчество — неиссякаемый родник, из которого писатели-историки черпают сюжеты, языковые жемчужины, характеры и сам дух народной жизни. Роман «Емельян Пугачев» густо пронизан загадками, пословицами, преданиями, легендами, поверьями, ажурной вязью самобытной речи казачества, объединившей в себе южнорусские и тюркские говоры. Связь романа с фольклором не ограничивается заимствованиями наиболее характерных элементов устного народного слова. Устные предания о Емельяне Пугачеве у В. Я. Шишкова «переселились» в романную ткань, обогатившись чертами живых, полнокровных характеров.

Интерес к фольклору у Шишкова объясняется взглядом на народ как на вершителя исторического процесса. Под народностью писатель понимает не только фольклорную стихию, но и мировоззрение, что согласуется с эстетическими воззрениями литературного критика XIX века В. Г. Белинского, который вне народности не мыслил подлинной художественности.

Роман «Емельян Пугачев» — талантливейшее повествование о судьбе русского народа в переломную историческую эпоху. В нем автор раскрыл такие особенности русского национального характера, как тираноборство, нетерпимость к насилию и угнетению. Конечно, эстетическое воздействие на современную историческую прозу оказывает не только литературное наследие Шишкова. Но, возрождая интерес к славным именам и деяниям прошлого, наследуя и развивая традиции лучших русских писателей, оно укрепляет в наших сердцах во многом утраченное чувство родины — России. Как утверждал А. С. Пушкин: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно. Не уважать оную — есть постыдное малодушие».